

# ПРЕПОДАВАТЕЛИ-АРХИТЕКТОРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ИДЕИ АВАНГАРДА 1920-Х — НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ

*С. С. Духанов \**

**Аннотация:** В статье рассматривается материал двух основных центров архитектурно-художественного образования Западной Сибири 1920-х — начала 1930-х гг.: Художественно-промышленного техникума им. М.А.Врубеля (Омск) и Сибирского строительного института (Томск — Новосибирск). В центре внимания архитекторы: П.П.Гольшев, С.М.Игнатович, П.И.Русинов, А.С.Огородников (Худпром); К.К.Лыгин, А.Д.Крячков, И.А.Бурлаков, Н.С.Кузьмин (Сибстрин). Анализируются специфика формирования преподавательских коллективов, их связи с местными проектными организациями, ведущими архитектурными вузами и зодчими страны. Выявляется влияние идей авангарда на преподавательскую и проектную деятельность преподавателей-архитекторов и их самих — на формирование взглядов студентов-архитекторов.

**Ключевые слова:** архитектурный авангард, история советской архитектуры, Западная Сибирь, Сибстрин, Худпром.

**В** 1920-х — начале 1930-х гг. важнейшими центрами архитектурно-художественного образования Западной Сибири были Художественно-промышленный техникум (Худпром) им. М.А.Врубеля в Омске и Сибирский строительный институт (Сибстрин), который до сентября 1933 г. находился в Томске, а затем был переведен в Новосибирск. Как правило, преподаватели обоих учебных заведений всегда рассматривались изолированно, как и их отношение к идеям архитектурного авангарда, из-за чего трудно было судить об общих

---

\* *Духанов Сергей Сергеевич* — кандидат архитектуры, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», ведущий научный сотрудник. 111024, Москва, Душинская ул., д. 9. Тел.: +7 (913) 397-13-05, e-mail: [ssd613@ngs.ru](mailto:ssd613@ngs.ru).

и отличительных чертах обоих центров и специфике их развития в этот период.

Старейшим был Сибстрин. В 1896 г. был учрежден Томский технологический институт (ТТИ), в 1925 г. он был реорганизован в Сибирский технологический институт (СТИ) им. Ф. Э. Дзержинского. Летом 1930 г. на базе Инженерно-строительного факультета СТИ был открыт Сибирский строительный институт (Сибстрин) (Баландин, Пустоветов 1993: 5, 6–7, 10, 12, 27).

Худпром был создан сразу после окончательного установления советской власти в Сибири: в октябре 1920 г. в Омске была открыта 1-я Сибирская художественно-промышленная школа. В августе 1921 г. она была преобразована в Сибирский художественно-промышленный практический институт, а в марте 1923 г. — в Сибирский художественно-промышленный техникум (Худпром) имени М. А. Врубеля (Мысливцева 2014: 52).

В 1920–1930-х гг. общей чертой обоих учебных заведений было наличие двух разных групп преподавателей. Первую группу составляли архитекторы «старой школы», получившие образование до 1917 г. в европейской части страны, вторую — молодые выпускники, окончившие Сибстрин и Худпром уже в 1920-е гг.

В Сибстрине представителями первой группы были профессора Константин Константинович Лыгин (1854 г. р.) и Андрей Дмитриевич Крячков (1876 г. р.), второй — выпускники Сибстрина Иван Александрович Бурлаков (1890 г. р.) и Николай Сергеевич Кузьмин (1905 г. р.).

В Худпроме «старую школу» представляли Павел Павлович Голышев (1867 г. р.) и Сергей Михайлович Игнатович (1881 г. р.); молодыми преподавателями были выпускники Худпрома и Сибстрина Пётр Иванович Русинов (1897 г. р.) и Александр Савватьевич Огородников (1903 г. р.) соответственно.

Как следует из проектов, статей и выступлений, и в Сибстрине, и в Худпроме представители «старой школы» перешли на позиции новой архитектуры почти одновременно — в 1927–1928 гг.

## П. П. Голышев и С. М. Игнатович

Омские преподаватели «старой школы» оказались подготовлены к принятию идей конструктивизма благодаря большому опыту

промышленного строительства и тесным связям со строительными отделами крупных промышленных предприятий Омска.

Голышев в 1888–1890 гг. служил в Павловском военном училище. В 1893 г. поступил в Николаевскую инженерную академию в Санкт-Петербурге, которую окончил в 1904 г. со званием военного инженера и назначением в Казанский военный округ. В 1914–1918 гг. служил в Казанском отделе по квартирному довольствию войск. В 1918–1920 гг. был начальником Главного инженерного управления (ГИНЖУ) в Омске. С февраля по май 1920 г. заведовал строительно-хозяйственным отделом Инженерного управления при Иркутском военном комиссариате, с февраля по май 1921 г. был начальником Западносибирского инженерного управления. В 1920 г. Голышев начал преподавать в высшей военной школе и Сибирской сельскохозяйственной академии, с 1921 г.— в Худпроме (ГАНУ. Ф.Р-204. Оп. 2. Д. 220. Л. 3–4; Мысливцева 2014: 55).

Игнатович в 1907 г. окончил Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге с дипломом I степени и званием гражданского инженера. По окончании института служил в Самаре в строительном отделении Самарского губернского правления. В 1915–1918 гг. работал производителем работ по постройке Тоцкого военного лагеря и Самарского порохового завода. Затем был назначен в Управление начальника инженеров Народной армии. В 1920–1924 гг. работал в Омске, в Сибирском окружном управлении путей сообщения (в отделе гражданских сооружений). С 1923 г. стал преподавать в Омске: сначала в Водном техникуме, а затем в Художественно-промышленном и Железнодорожном техникумах (ГАНУ. Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 590. Л. 217; Ф.Р-204. Оп. 2. Д. 382. Л. 1).

В биографиях Игнатовича и Голышева много общих черт. Оба имели большой опыт военно-промышленного строительства в европейской части страны, затем служили в инженерных частях. В Сибирь попали только в годы Гражданской войны (вместе с армией Колчака) и в самом начале 1920 г. вместе со своими организациями, уже в Восточной Сибири, сдались частям Красной армии.

С 1923–1924 гг. они работали в строительных отделах крупных омских предприятий, где проектировали и руководили строи-

тельством промышленных объектов: Голышев — металлообрабатывающих предприятий Сибметаллтреста (Сибзавода, Обозного завода и завода «Красный пахарь») (Мысливцева 2014: 13, 61), Игнатович — Омского кожевенного завода (ГАНО. Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 590. Л. 217–218).

Здесь следует искать истоки их конструктивизма: из промышленного проектирования они черпали объемно-планировочные и конструктивные решения для своих гражданских построек. Один из примеров такого взаимодействия — нереализованный проект школы ФЗУ Сибметаллтреста (архитекторы П. П. Голышев, П. И. Русинов, 1930 г.) (ГАНО. Ф.Р-204. Оп. 3. Д. 596. Л. 1, 3, 8, 7). Большинство конструктивных узлов и элементов этого конструктивистского по замыслу здания с унылыми фасадами и эффектными планами, разрезами и генпланом было заимствовано из проектов цехов Сибметаллтреста: ленточные окна, витражи, фермы перекрытий залов, разнообразные световые фонари и т. д. Показателен конструктивно-пластический прием, который Голышев применял в 1920-х гг. как в промышленном, так и в жилищном строительстве: сочетание кирпичной кладки и поэтажных монолитных поясов жесткости.

По своим взглядам на архитектуру Игнатович и Голышев были близки к томским конструктивистам, Огородникову и Кузьмину, и вполне отвечали идеалу концепции ОСА, которая требовала от архитектора прежде всего быть инженером-изобретателем.

Игнатович и Голышев живо интересовались «архитектурной жизнью», инженерно-конструкторским делом, изучали «жилищный вопрос», стремились активно участвовать в архитектурной практике и строительстве. П. П. Голышев писал в автобиографии: «Люблю безумно инженерное дело, т. к. оно дает простор душе и творчеству, а кроме того, во время работ встречаешься с людьми жизни и труда» (Мысливцева 2014: 55, 56, 60). Опыт Голышева как инженера-строителя оказался востребован и в Худпроме. Помимо преподавания он составлял проекты приспособления выделявшихся техникуму зданий под учебные цели, руководил ремонтными работами и т. д. (ГАНО. Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 590. Л. 89–91).

Игнатович, заведующий архитектурным отделением Худпрома, в декабре 1924 г. подчеркивал в своем жизнеописании, что,

«интересуясь наукой и искусством, ныне предпочитаю преподавательскую деятельность всякой другой» (ГАНУ. Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 590. Л. 217–218). Главными он считал технические знания, без которых студенческие проекты будут лишь «нагромождением коробочек». В декабре 1928 г. выступал в Омске с публичным докладом «О новой архитектуре», который получил большой резонанс среди омских архитекторов. Одной из важнейших задач архитектурной деятельности Игнатович считал «организацию пространства для размещения производственно-бытового процесса» (Мысливцева 2014: 57, 62).

Заведующий Худпромом М.И.Стрельников писал в апреле 1924 г., что «эти инженеры, получив чисто техническое образование, постоянно вносят в методическую учебную жизнь утилитарный тон» и этим «подтягивают культурный уровень» студента-художника, «развивая у него критический анализ и заставляя ходить его по земле, а не плавать на небе» (ГАНУ. Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 590. Л. 111).

#### К. К. Лыгин и А. Д. Крячков

Отношение к конструктивизму Лыгина и Крячкова определялось большим опытом практической работы в Сибири, который они получили еще до 1917 г.

Лыгин в 1879 г. окончил Санкт-Петербургскую академию художеств. В 1880–1895 гг. проектировал административные и учебные здания и казармы для городов Поволжья (Самара, Нижний Новгород, Казань, Сызрань) и Кавказа (Телави). С 1895 г. работал в Сибири: по министерствам внутренних дел, путей сообщения и народного образования, в том числе в технических отделах управлений по сооружению Сибирской, а затем Среднесибирской железных дорог. С 1900 г. начал преподавать в ТТИ (ГАТО. Ф.Р-435. Оп. 2. Д.61. Л.1 об., 1а об., 2 об., 3 об., 5 об.; Крячков 1932а: 4; Романова 2004: 11–12).

Крячков в 1902 г. окончил Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров. С 1902 г. работал в Сибири: в строительных отделах Томского губернского и Западносибирского окружного управлений (губернским и окружным архитектором, архитектором ТТИ), заведовал строительными отделами Копи-

куза (1918–1919 гг.) и Сибугля (1920–1921 гг.). С 1903 г. начал преподавать в ТТИ (ГАТО. Ф.Р-435. Оп. 2. Д.55. Л.1 об., 2 об., 3 об., 4 об.).

Оба архитектора занимались историей зодчества и искусства, изучали памятники местной архитектуры. К 1917 г. каждый из них запроектировал и построил в городах Сибири по 30–40 крупных зданий (государственных, общественных и муниципальных). В 1900–1910-х гг. они вместе с другими томскими архитекторами искали объемно-планировочные и конструктивно-пластические решения, которые бы позволили увязать архитектуру с суровыми сибирскими условиями.

Лыгин широко применял прием «вставок»: включение в кирпичную кладку крупных элементов из местного желтого песчаника (обрамлений окон, перемычек, блоков, пилястр и т. п.) защищало фасады от воздействия непогоды и придавало постройкам Лыгина характерное «пестрое» цветовое решение (ГАНО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д.92. Л.104; *Романова* 2004: 20, 23, 36, 45, 48, 185).

Дальше всех в разработке проблем «сибирской архитектуры» продвинулся Крячков. В 1920–1931 гг. он работал в составе специальных комиссий, которые изучали так называемые «температурные аварии» новых гражданских и промышленных зданий в Томске, Новосибирске и Кузбассе (*Крячков* 1932б: 267; *Крячков* 1951: 4, 12, 16, 19). Выявленные закономерности были проверены на экспериментальных проектах и нашли отражение в дальнейшей практике. Построенные в 1925–1927 гг. по проектам Крячкова каменные здания Сибревкома, Сибкрайсоюза, Сельскохозяйственного техникума и Текстильсиндиката в Новосибирске были решены на основе вертикальных членений. Крячков отказался от балконов, глухих парапетов и других опасных в условиях Сибири «накопителей осадков». Главными средствами пластической выразительности здесь стали пилястры, пояски, руст и уплощенные двухэтажные эркеры. Аналогичное объемно-пластическое решение имели постройки, запроектированные Крячковым в 1927–1930 гг. в формах конструктивизма: Дворец труда в Щегловске, заводууправление Кузнецкого металлургического комбината в Кузнецке, а также Госбанк и Запсибкрайисполком в Новосибирске (ГАНО. Ф.П-11796. Оп. 3. Д.278. Л.1; Ф.Р-204.

Оп. 3. Д.178. Л.5–8; Ф.П-11796. Оп. 1. Д.10. Л.12 об. Фото 1, 2; Л.13. Фото 1, 3; МИАС им. С.Н.Баландина. ФК. Оп. 1. Л.1. Фото 1, 2; Л.50. Фото 1, 2; Л.58. Фото 1, 2; Л.65. Фото 2; Л.79. Фото 1, 2).

В отличие от Омска в Томске не было промышленных предприятий, и поэтому в 1920-х — начале 1930-х гг. почти ничего не строилось. Из-за этого Лыгин был вынужден фактически отойти от практики и сосредоточиться на преподавательской работе. Крячков проектировал для Новосибирска и Кузбасса, где столкнулся с проектными организациями промышленных предприятий, увидевших в нем нежелательного конкурента.

Наиболее активно против Крячкова боролась Сибирская группа ОСА (архитекторы Кузбасстроя) и поддерживавший их член Томской группы ОСА, тогда еще студент СТИ, Кузьмин. Они обвиняли Крячкова в «эклектизме», «украшательстве» и «крячковском стиле». Кузьмин утверждал, что Крячков возглавляет некое «архитектурное направление» («другой „конструктивизм“»), которое, «конечно, явно враждебно конструктивизму ОСА» (ГАНУ. Ф.Р-47. Оп. 1. Д.120б. Л.114; Кузьмин 1928: 103–104).

Иначе освещает события студент СТИ Огородников, председатель Томской группы ОСА. Из преподавателей он называет не только Крячкова, но и Лыгина, а объектом их скептического отношения — не сам конструктивизм, а ряд его конкретных приемов, не соответствующих климатическим условиям Сибири. Именно поэтому среди студентов «остались убежденные противники плоских крыш, больших площадей стекла и т. п. для наших сибирских условий» (Огородников 1927б: 110).

Сведения Огородникова подтверждаются другими источниками. Из выступлений и статей Крячкова следует, что он высоко оценивал профессионализм и творчество М.Я.Гинзбурга и А.З.Гринберга и критиковал лишь использование в Сибири плоских кровель с внутренними водостоками (Крячков 1929: 899; ГАНУ. Ф.Р-2050. Оп. 1. Д.4. Л.38, 45). В проектах Крячкова 1927–1930 гг. трудно увидеть «эклектику»: здесь использованы простые формы и отсутствуют декоративные детали. О том, что стержнем архитектурной борьбы была не стилистика, а региональная специфика, свидетельствуют проекты перестроек зданий Крячкова, выполненные в Кузбасстрое: надстройка Текстильсиндиката (И.А.Лалевич, С.П.Тургенев, 1930 г.)

(ГАНО. Ф.Р-1993. Оп. 1. Д. 1049. Л. 3; Д. 1099. Л. 5–7) и архитектурное оформление Запсибкрайисполкома (Б. А. Гордеев, С. П. Тургенев, 1931 г.) (ГАНО. Ф.Р-1594. Оп. 1. Д. 28. Л. 35, 36). В обоих случаях изменению подверглась «сибирская» часть первоначального объемно-пластического решения. Архитекторы Кузбасстроя закрыли вертикальные объемы («башни»), увеличили площадь остекления и «перечеркнули» вертикальные членения Крячкова горизонтальными — поясками и балконами-галереями. В проекте перестройки Текстильсиндиката были запроектированы озелененные кровли.

Многие сторонники ОСА в Томске и Новосибирске считали Лыгина и Крячкова закоренелыми консерваторами, чуждыми всего нового, однако эта во многом односторонняя оценка нуждается в уточнении.

Лыгин одним из первых среди местных мастеров «старой школы» откликнулся на новые веяния, приняв в 1923 г. участие в конкурсе на проект памятника жертвам Октябрьской революции в Томске. Функционально-символическое наполнение его проекта соответствовало наиболее авангардистским проектам конкурса: трактовка памятника как трибуны для митингов и «маяка революции», форма пирамиды-obeliska, прожектор, разорванные цепи на руках статуи Свободы и т. д. Лишь своей изысканной стилистикой проект смотрел в прошлое (Романова 2004: 146–150). В 1925 г. Лыгин был председателем жюри конкурса на Дворец труда в Новосибирске (тогда — Новониколаевске). Жюри исходило из того, что новое здание должно решаться в «новых формах», иметь оригинальный облик, «непохожий на многие существующие в Новониколаевске», и поэтому выбрало самый новаторский проект (ГАНО. Ф.Р-529. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.— 2). Уже в 1927 г. «Современная архитектура» осудила это здание за «эклектизм» (*Наша действительность* 1927: 50), однако и представления Лыгина о новизне не стояли на месте. Именно Лыгин стал руководителем самого радикального по концепции конструктивистского проекта — «Дома-коммуны» Н. С. Кузьмина (1929 г.). Как следует из выступления Лыгина на защите, для него этот проект был ярким примером архитектуры будущего, где «старые методы строительства» будут «совершенно отброшены» (*Дом-коммуна* 1929: 3).



Как писал в 1932 г. Крячков, в 1920-е гг. именно Лыгиным была «проделана большая работа по переработке учебных планов и программ» (Крячков 1932а: 4). По оценке Огородникова, к апрелю 1928 г. программа была изменена на 80%, что способствовало «развитию архитектуры в новом направлении» и свидетельствовало о том, что «преподаватели начинают идти вместе с нами, в ногу, не желая от нас отставать» (*Первая конференция* 1928: 116). Судя по фотокопиям дипломных проектов, а также конкурсных проектов, разработанных Крячковым самостоятельно или вместе со студентами, конструктивизм получает распространение в СТИ с 1927 г. (МИАС им. С. Н. Баландина. ФГС. Л. 126. Фото 1–3; ФК. Л. 91. Фото 1–4; Л. 93. Фото 3–5).

#### И. А. Бурлаков и П. И. Русинов

Бурлаков и Русинов почти одновременно (в 1924–1925 гг.) окончили ТТИ и Худпром и были сторонниками идей АСНОВА.

Бурлаков в июне 1924 г. окончил Инженерно-строительный факультет Томского технологического института по архитектурной специальности и получил звание инженера-строителя. В 1922–1925 гг., еще во время обучения в ТТИ, был архитектором Томского государственного университета (ГАНУ. Ф.Р-204. Оп. 1. Д. 17. Л. 71; Оп. 2. Д. 124. Л. 1, 5–5 об.), что предполагало наличие у него определенного практического опыта.

Русинов в 1915 г. окончил Омское низшее механико-техническое училище. В 1915–1920 гг. работал чертежником и техником в Управлении службы пути Омской железной дороги, Тарской земской управе, Отделе госсооружений в Омске и Отделе пути Сибирского округа путей сообщения. В 1921–1922 гг. был слушателем Строительного отделения вечернего техникума при Сибирском округе путей сообщения. В декабре 1922 г. поступил в Омский художественно-промышленный техникум, который окончил в июле 1925 г. (ГАНУ. Ф.Р-204. Оп. 2. Д. 830. Л. 3, 4–4 об., 5, 6–6 об.).

В 1925 г. Бурлаков переехал в Новосибирск, где в 1926–1927 гг. работал заместителем окружного инженера и городским инженером Новосибирска, а также инженером в проектно-строительных отделах строящихся организаций. В Новосибирске Бурлаков

был инженером-конструктором по постройке зданий Текстиль-синдиката (архитектор А. Д. Крячков, 1925), Промбанка (архитекторы А. В. Швидковский, Г. П. Гольц, 1925) и разрабатывал по эскизному проекту архитектора Д. Ф. Фридмана (1926) рабочий проект Доходного дома. Кроме того, в 1925–1928 гг. по его проектам в Новосибирске был перестроен Дом Ленина и возведен целый ряд значимых объектов: общежития Промбанка и Сибкрайсоюза, несколько пожарных частей, клуб Совторгслужащих (СТС), здание конторы Госэлектротреста (ГЭТ) и др. (ГАНО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 124. Л. 1–1 об.).

Как показал И. В. Добкин, на проекты Бурлакова большое влияние оказали идеи и творчество сторонников АСНОВА и АРУ, архитекторов Н. А. Ладовского, А. З. Гринберга, К. С. Мельникова и Д. Ф. Фридмана. Бурлаков создал в Новосибирске целый ряд хорошо запоминающихся градостроительных ориентиров. Он работал над проблемами восприятия архитектурной формы, использовал как динамичные угловые композиции, главный объем которых был открыт для обзора зрителю, так и яркие цветовые решения и стремился не повторять архитектурные образы (Добкин 2017: 28–29).

Архитектурным самообразованием Бурлаков занимался даже после того, как в конце 1920-х гг. оставил практику. Так, на совещании по архитектурному оформлению Дома науки и культуры в Новосибирске (архитектор А. З. Гринберг, 1931) в январе 1933 г. он призвал коллег учиться у мастеров архитектуры, причем, как следовало из его выступления, сам он с интересом изучал творчество Гринберга. Доложенный Бурлаковым на совещании анализ особенностей восприятия объемной композиции и отдельных форм Дома науки и культуры (с учетом назначения здания, градостроительной ситуации и конкретных ракурсов обзора) был наиболее глубоким (ГАНО. Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 4. Л. 16–18, 19).

Русинов после окончания Худпрома остался там преподавателем архитектурных дисциплин и тогда же начал работать техником в Сибметаллтресте (ГАНО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 830. Л. 3).

О влиянии на творчество Русинова идей АСНОВА свидетельствует его конкурсный проект клуба «Металлист» (1927) для Сибметаллтреста, получивший первую премию. Симметричная объемно-планировочная композиция, главный вход,

фланкированный башнями-кубами, были далеки от идей конструктивизма. Фотографии, сделанные после завершения отделочных работ, свидетельствуют о первоначальном ярком цветовом решении, построенном на сочетании двух (видимо, желтого и красного) цветов. Фасады напоминали произведения супрематической живописи или полихромные архитектонки: «игра» плоскостей, различных по ширине и цвету горизонтальных и вертикальных полос, поясков и акцентов (прямоугольников и квадратов).

Интерес к проблемам ансамбля Русинов проявил еще во время учебы в Худпроме. Его дипломный «Проект центрального базара с крытым рынком в гор. Омске» (1925) был разработан для конкретной градостроительной ситуации и отличался реалистичным подходом (ООМИИ им. М.А. Врубеля. КСР ХПТ. № Г-8069, Г-8070). Русинов сумел увидеть композиционный потенциал исторически сложившейся застройки и, подчинив сильно вытянутый по форме объем нового рынка главным осям Драматического театра и Торгового корпуса, организовал в центральной части Омска крупный градостроительный ансамбль.

В Худпроме именно Русинов подготовил учебную программу для предмета «Основы архитектуры» на 1926/27 учебный год. За основу он взял программу одного из учредителей АСНОВА, преподавателя ВХУТЕМАСа, профессора Н.В. Докучаева, которая была рекомендована Государственным ученым советом Наркомпроса РСФСР для художественно-промышленных учебных заведений. Как и у Докучаева, программа Русинова предполагала изучение геометрических и физических свойств архитектурной формы и средств их выявления. Элементами для решения композиционных задач в отвлеченных заданиях служили линии и простейшие геометрические фигуры (Мысливцева 2014: 11, 51–52).

Созданные после внедрения программы Русинова на архитектурном отделении Худпрома студенческие работы напоминали учебные работы ВХУТЕМАСа (Черноок 2011: 98, 101–102): проекты сооружений и отвлеченные задания на выявление выразительности конструкции, динамики, ритма, отношений и пропорций по вертикали и на плоскости. Из учебных работ Худпрома 1927–1930 гг. по «Основам архитектуры» сохранились проекты сооружений (общественно-культурных зданий, парковых лест-

ниц, временных трибун) (ООМИИ им. М. А. Врубеля. КСР ХПТ. № Г-8047, Г-8048, Г-8052–8055, Г-8059, Г-8084) и отвлеченные задания: на выявление конструкции открытого и закрытого пространств и так называемые небоскребы (абстрактные композиции из вертикальных элементов) (ООМИИ им. М. А. Врубеля. КСР ХПТ. № Г-8049, Г-8068, Г-8085, Г-8092, Г-8097, Г-8098, Г-8198).

16 декабря 1928 г. Русинов выступил в Омске с публичной лекцией «Основы архитектурной композиции», и, видимо, он же был автором указанного в программе доклада на тему «О современном методе преподавания архитектуры» (Мысливцева 2014: 57).

На органичное взаимодействие и дополнение идей АСНОВА и ОСА в Худпроме обратила внимание Ю. Г. Мысливцева (Мысливцева 2014: 11). Заведующий архитектурным отделением Игнатович подчеркивал «большую пользу изучения формальных основ архитектуры для успешной работы по проектированию зданий» (Мысливцева 2014: 57). Как следует из архивных материалов, это явление не было случайным. В апреле 1924 г. заведующий техникумом М. И. Стрельников писал: «Постоянное столкновение в самой нашей школе элементов чисто технических и чисто художественных, в конце концов, даст нам то, к чему мы так страстно стремимся: к устойчивому равновесию в искусстве», чем обеспечит «построение новой школы единого искусства» (ГАНУ. Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 590. Л. 111–111 об.).

Примерами плодотворного сотрудничества идей являются совместные работы рационалиста Русинова и конструктивиста Игнатовича — запроектированные ими в 1931 г. дом-комбинат Обозостроительного завода и клиника Ветеринарного института. С одной стороны, разнообразное остекление и расчлененные Н-образные формы планов с раскрытием одного из внутренних дворов на магистраль свидетельствовали о влиянии конструктивизма. С другой стороны, благодаря наличию эффектного по внешнему решению главного объема, выдвинутого на пересечение главных магистралей, оба здания стали хорошо запоминающимися градостроительными ориентирами.

Переход Бурлакова к преподавательской деятельности произошел позднее, чем у Русинова, и был связан с трагическими обстоятельствами. Стремление к разработке новых форм сделало талантливого архитектора удобной мишенью для его

противников, видевших в нем лишь опасного конкурента. В апреле 1928 г. Комиссия по регистрации технического персонала при Сибирском краевом инженере постановила: из-за ряда допущенных «технических неправильностей при проектировке и во время производства работ, а также принимая во внимание постановление Новосибирского окружного суда, в праве самостоятельного проектирования, расчета и производства работ сложных гражданских и инженерных конструкций отказать» (ГАНУ. Ф.Р-204. Оп. 1. Д.92. Л.11).

После этого Бурлаков проектировал лишь для архитектурных конкурсов и руководил дипломными проектами в Сибстрине. В отличие от разрабатывавшего учебные программы и ведущего занятия на нескольких курсах Русинова, влияние Бурлакова было более индивидуальным. О роли Бурлакова в формировании профессиональных взглядов ряда будущих архитекторов свидетельствует судьба его ученика — архитектора А. В. Баранского. Баранский заинтересовался архитектурным творчеством на 4-м курсе инженерно-конструкторского факультета Сибстрина, с которого в 1934 г. перешел на архитектурный (ГАНУ. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д.9. Л.40). Дипломный проект, как следует из чудом сохранившегося памятного альбома выпускников Сибстрина 1930–1935 гг., выполнял у Бурлакова (МИАС им. С. Н. Баландина. Инв. № 2856. Э.154. В.4. Зал 1. С.12).

Из работ и выступлений Баранского второй половины 1930-х — 1950-х гг. следует, что его творческие поиски шли пусть и на базе освоения классического наследия, но в русле идей АСНОВА — АРУ. В своих проектах второй половины 1930-х гг. Баранский стремился при помощи контрастного сопоставления горизонтальных и вертикальных членений, рустованных и гладких поверхностей, легкого и массивного, света и тени, а также цвета выявить структуру объемной композиции здания и его главную часть (МИАС им. С. Н. Баландина. ФГС. Оп. 4. Л.190. Фото 1; Л.194. Фото 1–4; Л.197. Фото 2; Л.202. Фото 4; Л.203. Фото 1–3; Л.204. Фото 2, 4; Л.208. Фото 2, 4; Л.210. Фото 1–5).

В 1940–1950-е гг. Баранский преподавал в Сибстрине и активно работал над проблемами архитектурной композиции. Он хорошо понимал, что «содержание и формы в архитектуре исторически изменяются». В 1957 г. первым среди местных архитекторов

обратил внимание на смену композиционных схем в градостроительстве и призвал «искать новые схемы, например, с метрическим расположением зданий торцами к улице, при которых однотипными (причем нейтральными) будут 12–20 домов и лишь 2–4 дома должны быть иными для начала и завершения композиции». Тогда же он сосредоточился на том, «как могут быть по-новому использованы объем, пространство, цвет, светотень и т. д.» в массовой типовой застройке (ГАНУ. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д.156. Л. 41, 43, 46–47).

### А. С. Огородников и Н. С. Кузьмин

Огородников и Кузьмин поступили в ТТИ в 1922 г. и еще во время учебы стали убежденными конструктивистами.

Огородников окончил архитектурную специальность инженерно-строительного факультета СТИ в марте 1929 г. После этого переехал в Омск, где с 1929 г. стал преподавать в Худпроме и работать в Омском госстройтресте (ГАТО. Ф.Р-218. Оп. 8. Д. 30. Л. 4–5 об.; *Каланча* 2017).

Кузьмин окончил инженерно-строительный факультет СТИ в декабре 1929 г. по специальности инженер-строитель (ГАНУ. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 8. Л. 3; Д. 16. Л. 3 об.; *Кузьмин и др.* 2005: 4–5). После этого остался преподавать в СТИ, вместе с которым в 1933 г. переехал в Новосибирск (*Кузьмин и др.* 2005: 8).

Оба инженера-строителя были противниками эклектики и украшательства, занимали активную общественную позицию. В 1927–1930 гг. публиковались в журнале «Современная архитектура», участвовали в мероприятиях ОСА и были знакомы с его лидерами — архитекторами А. А. Весниным и М. Я. Гинзбургом. Проявили себя как организаторы профессиональных сообществ, публицисты и популяризаторы идей конструктивизма, в частности, домов-коммун. Одними из первых в Сибири организовали в Томске группу ОСА (1927 г.). Судя по всему, именно Огородников сыграл ключевую роль и при создании в августе 1929 г. Омской группы ОСА. Защита дипломного проекта Кузьмина («Дом-коммуна для горняков Анжеро-Судженска») впервые в истории Томска была публичной и прошла 1 декабря 1929 г. как общественное мероприятие, на котором

присутствовало большое число специалистов и рабочих (*Публичная защита* 1929: 4).

Сравнительный анализ статей и высказываний Огородникова и Кузьмина, опубликованных в 1927–1930 гг. в журнале «Современная архитектура» и томской газете «Красное знамя», позволил выявить серьезные различия в их взглядах по целому ряду важнейших вопросов профессиональной деятельности.

Оба по-разному понимали задачи архитектуры. Для Огородникова исходной посылкой были «архитектурные формы»: этот термин он неоднократно использовал в своих статьях и выступлениях, акцентируя внимание на исторической изменчивости этих форм и необходимости их соответствия назначению сооружений (*Огородников* 1927а: 3; *Мысливцева* 2014: 56–57).

Кузьмин, напротив, будучи противником идей АСНОВА о «воздействии формой на человека», совершенно отрицал и проблему архитектурной формы. Здесь конструктивизм Кузьмина был радикальным: по его мнению, задача архитектора состояла не в создании архитектурных форм и пространств, а в «организации производственно-бытовых процессов людей материально-техническими средствами» (*Кузьмин* 1930а: 14; *Кузьмин* 1930б: 9). Этим Кузьмин отличался и от Игнатовича, для которого на первом месте была всё-таки «организация пространства».

Впервые термин «архитектурная форма» в позитивном ключе зафиксирован нами у Кузьмина лишь в 1938 г., когда на переучете в Новосибирском отделении ССА он заявил, что стремится «показать новые формы архитектуры» (ГАНО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д.9. Л.35), под которыми, как следует из его проектов того времени, подразумевал формы постконструктивизма и ар-деко.

По-разному оба архитектора относились и к различным течениям авангарда. Кузьмин был твердо убежден в том, что «единственно правильной» была установка ОСА (*Кузьмин* 1928: 103). Поэтому он безоговорочно осуждал и полностью отвергал все иные подходы — не только «старую» эклектику, но и «новые» течения, и прежде всего наиболее близкую к конструктивизму АСНОВА (*Кузьмин* 1930б: 9).

Огородников, напротив, уже во второй половине 1920-х гг. интересовался не только конструктивизмом. Во время экскурсии студентов СТИ в европейскую часть страны в январе 1927 г. архитек-

тор обратил внимание на «пролетарскую классику» в Ленинграде, а в Москве — на «московские архитектурные направления» (*Огородников* 1927б: 110). Гораздо мягче Кузьмина Огородников говорил и о рационализме Н. А. Ладовского, признавая, что «и они — представители живучего направления», пусть у них и нет «методов диалектического проектирования» (*Первая конференция* 1928: 116).

Показателен дальнейший интерес Огородникова к проблеме архитектурной формы. В созданную при его активном участии Омскую группу ОСА вошел не только конструктивист Игнатович, но и рационалист Русинов. О том, что здесь имело место творческое взаимодействие, свидетельствует разработанный Огородниковым совместно со студентом Худпрома А. П. Николаевским проект каланчи 3-й пожарной части Омска (1930 г.) (*Каланча* 2017). Утилитарное сооружение было эффектно подано на перспективе и напоминало учебные проекты ВХУТЕМАСа на выявление формы и ритма по вертикали.

Кузьмин же, напротив, оставался непримиримым противником идей АСНОВА и в дальнейшем. В конце 1950-х гг. он резко осуждал профессиональные взгляды своего коллеги по Сибстрину, архитектора Баранского, который в новых условиях типового проектирования развивал идеи АСНОВА (ГАНО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 156. Л. 13–14, 41–42).

### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ГАНО. Ф.П-11796. Оп. 1. Д. 10; Оп. 3. Д. 278; Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 1206; Ф.Р-204. Оп. 1. Д. 17, 92, 124; Оп. 2. Д. 220, 382, 830; Оп. 3. Д. 178, 596; Ф.Р-529. Оп. 1. Д. 1; Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 590; Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 8, 9, 16, 92, 156; Ф.Р-1594. Оп. 1. Д. 28; Ф.Р-1993. Оп. 1. Д. 1049, 1099; Ф.Р-2050. Оп. 1. Д. 4.
- ГАТО. Ф.Р-218. Оп. 8. Д. 30; Ф.Р-435. Оп. 2. Д. 55, 61.
- МИАС им. С. Н. Баландина. Инв. № 2856. Э. 154. В. 4. Зал 1; ФГС. Оп. 4; ФК. Оп. 1.
- ООМИИ им. М. А. Врубеля. Коллекция студенческих работ Художественно-промышленного техникума.
- Дом-коммуна 1929* — Дом-коммуна для 5 тыс. судженских шахтеров. Проект инженера-строителя тов. Кузьмина // Красное знамя. Томск, 1929. 8 декабря. № 281 (3253). С. 3.
- Каланча 2017* — Каланча III пожарной части. [Электронный ресурс.] URL: <http://iaoo.ru/page98.html> (дата обращения: 30.04.2017).



- Крячков 1929 — Крячков А. Д. Конкурс проектов Сибирской краевой конторы госбанка в Новосибирске // Строительная промышленность. 1929. № 10. С. 898–900.
- Крячков 1932а — Крячков А. [Д.] Памяти проф. К. К. Лыгина // Красное знамя. Томск, 1932. 9 мая. № 101. С. 4.
- Крячков 1932б — Крячков А. Д. Бани и купальни. Проектирование. Расчет. Томск: Кубуч, 1932.
- Крячков 1951 — Крячков А. Д. Влияние климата на строительство и архитектуру Сибири (Отдельный оттиск из II тома трудов НИСИ). Новосибирск, 1951.
- Кузьмин 1928 — В. К. (Томск). Конструктивизм и конструктивисты на местах (письмо из Томска) // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 103–104.
- Кузьмин 1930а — Кузьмин [Н. С.]. Проблема научной организации быта // Современная архитектура. 1930. № 3. Л. 14–16 об.
- Кузьмин 1930б — Кузьм. А. Против безответственной критики (к нападка на проекты И. Леонидова) // Современная архитектура. 1930. № 4. Л. 9.
- Наша действительность 1927 — Наша действительность // Современная архитектура. 1927. № 2. С. 47–50.
- Огородников 1927а — А. О. Экскурсия технологов // Красное знамя. Томск, 1927. 11 февраля. № 34 (2404). С. 3.
- Огородников 1927б — Архитектурное отделение Сибирского (томского) технологического института // Современная архитектура. 1927. № 3. С. 110.
- Первая конференция 1928 — Первая конференция Общества современных архитекторов в Москве // Современная архитектура. 1928. № 4. С. 116–121.
- Публичная защита 1929 — Публичная защита дипломного проекта // Красное знамя. Томск, 1929. 1 декабря. № 275 (3247). С. 4.
- Баландин, Пустоветов 1993 — Баландин С. Н., Пустоветов Г. И. Из истории архитектурного образования в Сибири. Новосибирск: ВО Наука, Сибирская изд. фирма, 1993.
- Добкин 2017 — Добкин И. В. Творчество инженера И. А. Бурлакова в Новосибирске // Будущее памятников архитектуры конструктивизма: Материалы научно-практической конференции (г. Новосибирск, 17–18 ноября 2016 г.) / отв. ред. А. Е. Гашенко, Т. Ю. Тайченачева. Новосибирск: НГУАДИ, 2017.
- Кузьмин и др. 2005 — Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения: сборник статей и материалов / Н. С. Кузьмин, С. Н. Баландин, И. В. Невзгодин, К. Н. Кузьмина. М.: [б. и.], 2005.
- Мысливцева 2014 — Мысливцева Г. Ю. Территория мечты: сборник трудов / [сост.: Е. Дорохов и др.] Омск: Омскбланкиздат, 2014.

Романова 2004 — Романова Л. С. Творчество архитектора Константина Лыгина в Томске: (по материалам фонда К. К. Лыгина в Томском областном краеведческом музее) / Томский областной краеведческий музей. Томск: Д-Принт, 2004.

Черноок 2011 — Черноок С. В. Новая школа Красной Сибири // Баландинские чтения. 2011. Т. 6. № 1. С. 96–103.

## TEACHERS-ARCHITECTS OF WESTERN SIBERIA AND THE IDEAS OF THE AVANT-GARDE OF THE 1920S — THE EARLY 1930S

*S. S. Dukhanov* \*

**Abstract:** The article considers the material of two main centers of architectural and artistic education in Western Siberia at that time: Art and Industry Technical School named after M. A. Vrubel (KhudProm, Omsk) and the Siberian Construction Institute (SibStrIn, Tomsk — Novosibirsk). In the center of the attention are architects: P. P. Golyshev, S. M. Ignatovich, P. I. Rusinov, A. S. Ogorodnikov (KhudProm); K. K. Lygin, A. D. Kryachkov, I. A. Burlakov, N. S. Kuzmin (SibStrIn). The article analyzes the specifics of the formation of teaching teams, their relations with local design organizations, leading architectural universities, and architects of the country. The article reveals the influence of Avant-Garde ideas on the teaching and design activities of teachers-architects and theirs — on the formation of the views of students-architects.

**Keywords:** architectural Avant-Garde, the history of Soviet architecture, Western Siberia, SibStrIn, KhudProm.

---

\* *Dukhanov Sergey Sergeevich* — Ph. D. (Architecture), Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, leading research fellow. 9, Dushinskaya st., Moscow, Russia. Tel.: +7 (913) 397-13-05, e-mail: [ssd613@ngs.ru](mailto:ssd613@ngs.ru).

## REFERENCES

- Balandin S.N., Pustovetov G.I. *Iz istorii arkhitekturnogo obrazovaniya v Sibiri (From the history of architectural education in Siberia)*. Novosibirsk: VO Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma Publ., 1993 (in Russian).
- Dobkin I.V. *Tvorchestvo inzhenera I.A. Burlakova v Novosibirsk (Engineer I.A. Burlakov's creativity in Novosibirsk)*. Budushchee pamyatnikov arkhitektury konstruktivizma: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Novosibirsk, November 17–18, 2016). Novosibirsk: NSUADA Publ., 2017 (in Russian).
- Kuz'min N.S., Balandin S.N., Nevzgodin I.V., Kuz'mina K.N. *Nikolai Kuz'min. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya: sbornik statey i materialov (Nikolai Kuzmin. To the 100<sup>th</sup> anniversary of his birth. Collection of articles and materials)*. Moscow: N. p., 2005 (in Russian).
- Myslitseva G.Yu. *Territoriya mechty (The territory of dreams): sbornik trudov*. Omsk: Omskblankizdat Publ., 2014 (in Russian).
- Romanova L.S. *Tvorchestvo arkhitekтора Konstantina Lygina v Tomske: (po materialam fonda K.K.Lygina v Tomskom oblastnom kraevedcheskom muzee) (Creativity of the architect Konstantin Lygin in Tomsk: (based on the materials of the K.K.Lygin foundation in the Tomsk regional museum of local lore))*. Tomsk: D-Print Publ., 2004 (in Russian).
- Chernook S.V. *Novaya shkola Krasnoi Sibiri (New school of Red Siberia)*. Balandinskie chteniya, 2011, vol. 6, no. 1, pp. 96–103 (in Russian).

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проведения научного исследования (проект № 19-012-00193 А «ВХУТЕМАС в образах мировой культуры XX–XXI вв.: Наследие и современность»).